

УДК 341.9

Самозащита гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений по российскому и германскому праву: уголовно-правовой и цивилистический аспекты

Пучков Владислав Олегович

Юрист арбитражной практики,

ООО «Правопроцесс»,

студент,

Уральский государственный юридический университет,

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;

e-mail: poa@gu66.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемным вопросам самозащиты гражданских прав субъектов внешнеэкономической деятельности, а также отграничения допустимой и самоуправной форм такой самозащиты в Германии и России. Автор, опираясь на доктрину права, действующее законодательство и судебную практику, раскрывает содержание категорий «самозащита гражданских прав» и «самоуправство» в германском и российском праве. Обоснован вывод о том, что наличие в действиях участников внешнеэкономической деятельности при-знаков самоуправства должно определяться исходя из выявления компетентного правопорядка на основе коллизионных норм международного частного права, которые, как известно, отсылают к праву того или иного государства в целом, а не только к его частноправовым отраслям. Обоснована необходимость квалификации самозащиты гражданских прав в международном частном праве России и Германии в качестве односторонней правопрекращающей сделки в условиях отсутствия соответствующей коллизионной привязки в российском и германском праве.

Для цитирования в научных исследованиях

Пучков В.О. Самозащита гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений по российскому и германскому праву: уголовно-правовой и цивилистический аспекты // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 105-123.

Ключевые слова

Самозащита гражданских прав, самоуправство, квалификация, внешнеэкономические отношения, сделка, коллизионное регулирование, коллизионная привязка, ответственность.

Введение

В современном мире широкое привлечение иностранного капитала в форме инвестиций, а также активное участие предприятий и коммерсантов во внешнеэкономической деятельности становятся объективной тенденцией. В этих условиях перед государством стоит важная задача – обеспечить субъектов внешнеэкономических отношений достаточными и эффективными способами защиты их гражданских прав в данной сфере. Одним из таких способов является самозащита гражданских прав, нашедшая свое отражение в гражданском законодательстве Германии (§ 229 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ)) и России (абз. 6 ч. 1 ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)).

Однако реализация института самозащиты гражданских прав в системе гражданско-правовых отношений связана с разрешением ряда сложных вопросов, к числу которых относятся, прежде всего, вопросы действительности и реальности нарушенного или оспариваемого права, допустимости и обоснованности самозащиты, а также ее соответствия степени нарушения. Неправильное их разрешение, выражающееся, в частности, в избыточности, а порой и открытой неправомерности самозащиты, влечет для лица ряд объективных рисков, прежде всего уголовно-правового характера, связанных с возможностью привлечения его к уголовной ответственности за самоуправство (раздел XIX, § 289 ГГУ, ст. 330 УК РФ). Конструкции составов самоуправства в уголовном законодательстве России и Германии в их системном толковании с нормами о самозащите гражданских прав свидетельствуют о том, что отграничение реальной и правомерной самозащиты права от ее самоуправной формы является достаточно сложным. Эта проблема встает наиболее остро в сфере внешнеэкономических отношений, поскольку решение компетентными органами вопроса о правомерном либо самоуправном характере самозащиты гражданских прав субъектов данной деятельности неизбежно затрудняется в связи с возникновением конфликта юрисдикций (применительно как к гражданско-правовому, так и к уголовно-правовому регулированию). Таким образом, по нашему мнению, сравнительно-правовое исследование института самозащиты гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений в системе с уголовно-правовой конструкцией самоуправства представляет определенный интерес как научного, так и прикладного характера.

Сравнительно-правовое исследование института самозащиты гражданских прав в России и Германии

Необходимо отметить, что конструкция самозащиты, утвердившаяся еще в Древнем Риме, мало чем отличалась от самоуправства в современном его понимании. Так, выдающийся российский цивилист И.Б. Новицкий отмечает, что ответственность должника по римскому частному праву изначально носила личный характер и выражалась в том, что сам

кредитор с целью защиты своих интересов мог применить к должнику «меры воздействия, направленные непосредственно на его личность (заключение в тюрьму, продажа в рабство и даже лишение жизни)» [Новицкий, 2007, 152]. Позднее римским законодательством был установлен запрет кому бы то ни было в целях защиты своих интересов посягать на личность должника; вместо этого кредитор мог защитить свое право, присвоив имущество должника или продав его с торгов [там же].

Подобный подход к институту самозащиты гражданских прав сохранился вплоть до падения Западной Римской Империи и позже был воспринят правовыми системами стран Европы. Понимание такой самозащиты гражданских прав как самоуправной утвердилось в Европе только в XVIII веке благодаря деятельности философов-просветителей. Одним из первых ученых, указавших на недопустимость подобных действий, был Г.В.Ф. Гегель, который в своем фундаментальном труде «Философия права» указывал, что существование реально действующих мер государственного принуждения должника к исполнению обязательства объективно лишает кредитора возможности действовать в этой сфере неправовыми методами, в том числе путем самовольного изъятия спорного имущества [Гегель, 151-152]. Таким образом, великий немецкий философ одним из первых в истории европейской мысли указал на необходимость ограничения самозащиты гражданских прав от самоуправства.

Как мы уже отмечали выше, подобный подход воспринят и ныне действующим законодательством стран Европы, в том числе Германии и России. В то же время ни российское, ни германское гражданское законодательство не раскрывают содержание категории «самозащита гражданских прав», указывая лишь на такие ее признаки, как соразмерность нарушению и правомерность (п. 1 § 230 ГГУ, ч. 2 ст. 14 ГК РФ). Такое абстрактное положение материального права было впоследствии конкретизировано цивилистической доктриной и практикой. Так, выдающийся немецкий ученый E.J. Schuster указывает, что самозащита (*Selbsthilfe*) есть материально-правовая аналогия процессуальных обеспечительных мер, и заключается она в осуществлении лицом, чье право нарушено либо находится под угрозой нарушения, ряда самостоятельных действий, направленных на недопущение дальнейшего причинения вреда. К числу таких действий автор относит изъятие имущества из чужого незаконного владения, ограничение доступа предполагаемого нарушителя к личности или имуществу, а также иное физическое противодействие посягательству [Schuster, 1907, 76]. Теоретик советского гражданского права В.П. Грибанов под самозащитой понимал «совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов» [Грибанов, 2001, 117]. Российский цивилист Е.В. Васьковский применительно к ограничению самозащиты гражданских прав от самоуправства указывал, что самозащита в гражданском праве – это всегда вынужденные принудительные меры, принимаемые лицом в отношении того, кто активно (то есть путем неправомерных действий) противодействует ему в осуществлении своих прав. Самоуправство же имеет место тогда,

когда лицо насильственно осуществляет свое право в отсутствие реального либо предполагаемого посягательства [Васьковский, 2003, 190].

Вышеприведенные позиции ученых-юристов позволяют сделать вывод, что самозащита гражданских прав, помимо названных в законе признаков, характеризуется тем, что осуществляется управомоченным субъектом посредством фактических (а не юридических) действий, только в исключительных случаях и только в тех масштабах, которые оправданы особой целью самозащиты – не допустить нарушение права или уменьшить последствия его нарушения; при этом принудительные меры в механизме самозащиты осуществляются в отношении лишь конкретных лиц.

На данные свойства гражданско-правовой самозащиты указывают российская и германская судебная практика. Так, Федеральный Верховный Суд ФРГ в своем постановлении от 05.04.2011 по уголовному делу № 66/11 отметил, что действия обвиняемого, причинившего вред здоровью потерпевшего, который самовольно занял его земельный участок, не содержат в себе признаков состава преступления. Верховный Суд указал, что вред был причинен обвиняемым с правомерной целью и был направлен против конкретного нарушителя права; при этом Суд особо отметил, что в сложившейся ситуации у обвиняемого объективно не было времени и средств на то, чтобы воспользоваться другими способами защиты своих прав [Hamm, Krehl, 2011, 11]. На этом основании Судом был вынесен оправдательный приговор. Сходную позицию при определении признаков самозащиты гражданских прав занял и Президиум Высшего арбитражного суда РФ в постановлении от 16.11.2010 № 8263/10.

Вместе с тем выясненная нами специфика самозащиты гражданских прав в рамках национальной правовой системы нуждается в ее системном анализе с положениями уголовного закона об ответственности за самоуправство. Состав данного преступления нашел свое отражение в ст. 330 УК РФ, в ч. 1 которой содержится определение самоуправства: это самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином. Безусловно, данная дефиниция чрезвычайно абстрактна. Т.Ю. Орешкина указывает в связи с этим, что установленные в уголовном законе объективные признаки данного состава преступления позволяют любое уголовное правонарушение квалифицировать в качестве самоуправства [Орешкина, 2008, 65]. При этом из поля уголовно-правового регулирования выпадает такой сущностный признак самоуправства, как осуществление виновным своего действительного или предполагаемого права при самоуправном деянии, на который ранее указывала диспозиция ст. 200 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. В то же время на необходимость наличия такого признака деяния для допустимости вменения ст. 330 УК РФ указывает российская судебная практика, в частности постановление Президиума Московского городского суда от 19.07.2001 по делу Юсубова и Александрова.

Кроме того, нельзя признать удачным, что законодатель связывает самоуправство только с деянием в форме действия. Безусловно, самоуправная защита гражданских прав возможна и путем бездействия, на что прямо указывает гражданское законодательство. Так, п. 1 ст. 359 ГК РФ в качестве одного из способов обеспечения исполнения обязательств устанавливает удержание вещи. В условиях расширительного подхода судов к основаниям удержания (см., например, п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66, Определение Верховного суда РФ от 21.11.2014 № 306-ЭС14-3444, от 09.11.2015 № 305-ЭС15-11049) безусловно является возможной самоуправная защита кредитором своих прав путем удержания вещи должника, т. е. бездействия. Вместе с тем лицо, совершающее самоуправное деяние в такой форме, не подлежит уголовной ответственности.

Не менее проблемным является и другой объективный признак самоуправства, а именно совершение действий вопреки установленному законом или иным нормативным актом порядку. Неясно, какое содержание вкладывает в данный признак законодатель: совершение действий, в принципе запрещенных, или таких, которые могут быть предприняты только специально уполномоченным субъектом, к примеру, судом? Такая неопределенность, проходя сквозь призму судебного усмотрения (ст. 299 УПК РФ), может стать причиной квалификации в качестве самоуправства гражданско-правового акта самозащиты права. Так, Президиум Владимирского областного суда в постановлении от 09.01.1998 по делу Л. признал обвиняемого виновным в самоуправстве только на том основании, что он предпринял ряд самостоятельных действий по взысканию с должника неустойки. Суд отметил, что такими действиями обвиняемый нарушил порядок взыскания неустойки, установленный федеральным законом, в соответствии с которым только суд мог принять решение о применении такого способа обеспечения исполнения обязательства, и тем самым совершил самоуправство [Определение Верховного суда РФ от 21.11.2014 № 306-ЭС14-3444 по делу № А65-32514/2012, [www](http://www.aznareshnik.ru)]. Тем не менее такой вывод суда вряд ли можно считать верным, поскольку нормы § 2 гл. 23 ГК РФ прямо не указывают на то, что неустойка может быть взыскана только в порядке, предусмотренном судебным актом. Следовательно, вывод суда о виновности подсудимого был недостаточно обоснован, но, тем не менее, соответствовал тем подлежащим доказыванию обстоятельствам, которые закреплены в диспозиции ч. 1 ст. 330 УК РФ [Витман, 2005, 708].

Закрепленный в российском уголовном законе состав самоуправства предусматривает в качестве одного из обязательных признаков объективной стороны оспаривание действий виновного гражданином или организацией. Содержание данного признака в УК РФ также не раскрывается. В частности, уголовное законодательство не указывает, должно ли такое оспаривание осуществляться в юрисдикционной форме или же оно может иметь фактический характер. По мнению ряда авторов, выраженное в какой-либо форме несогласие потерпевшего с действиями виновного является составообразующим признаком самоуправства [Орешкина, 2008, 67; Соколова, 2006, 264]. Иными словами, допущение потерпевшим

самоуправных действий виновного исключает привлечение его к уголовной ответственности, что также представляется упущением законодателя, в частности в связи с тем, что виновный может принудить потерпевшего к бездействию, отказу от защиты своих интересов и вследствие этого избежать наказания.

Таким образом, проведенный нами анализ положений ст. 330 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что конструкция самоуправства в российском уголовном законодательстве имеет ряд существенных недостатков, которые в контексте правоприменительной практики могут привести как к привлечению невиновного к уголовной ответственности, так и к освобождению от ответственности лица, совершившего данное преступление. Во многом это связано с тем, что закрепление норм об уголовной ответственности за самоуправную защиту гражданских прав в рамках одной статьи уголовного закона весьма затруднительно. В связи с этим в законодательстве многих государств уголовная ответственность за самоуправство дифференцирована. По такому пути пошел германский законодатель, закрепивший в ГГУ сразу несколько норм, устанавливающих ответственность за самоуправную защиту гражданских прав. Так, к примеру, ч. 1 § 289 ГГУ регламентирует ответственность субъекта, который забирает вещь у собственника либо иного титульного владельца с целью восстановления своего нарушенного права, а также извлечения из своих действий какого-либо дохода. Таким образом, для квалификации деяния по указанной норме требуется не только доказать самоуправный характер защиты гражданских прав, но и дополнительную цель – получение дохода в результате изъятия вещи. Такой подход вытекает из положений германского гражданского права, которое допускает самозащиту права в форме «дозволенного самоуправства» (*Selbstbefriedigung*). Как отмечает выдающийся советский правовед А.М. Винавер, такая форма самозащиты права представляет собой «восстановление собственными силами, без обращения к органам власти, нарушенного уже фактического положения вещей путем возвращения к состоянию, соответствующему смыслу данного субъективного права. Для понятия самоуправства характерно наличие нарушения данного субъективного права и наличие возникшего вследствие такого нарушения притязания (*Anspruch*)» [Винавер, 2001, 80]. Такие случаи дозволенного самоуправства прямо указаны в некоторых нормах ГГУ (например, § 561, 704, 910, 962 и др.).

В то же время такое гражданско-правовое регулирование самозащиты права отнюдь не означает его тотальную декриминализацию. Как отмечают немецкие авторы D. Bock, J. Eisele и B. Rinne, германское уголовное законодательство указывает на наказуемость самоуправной защиты гражданских прав при соблюдении ряда условий: во-первых, если деяние, совершенное виновным в целях защиты своего права, само по себе уголовно наказуемо (например, нарушение неприкосновенности жилища, причинение вреда здоровью) и, во-вторых, если оно было совершено не в условиях крайней необходимости, а в том случае, когда у виновного была реальная возможность защитить свое право иным способом [Bock, 2009; Eisele, 2009; Rinne, 1997, 236].

Таким образом, германский уголовный закон не содержит общего состава самоуправства, дифференцируя его в рамках нескольких норм. Такой подход, безусловно, нельзя признать образцовым, однако он позволяет избежать проблем в сфере правоприменения, связанных со слишком абстрактной конструкцией состава самоуправства, закрепленного только в одной статье уголовного закона.

Институт самозащиты гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений

Проанализированный нами с позиций гражданского и уголовного закона институт самозащиты гражданских прав, безусловно, приобретает особые специфические свойства в сфере внешнеэкономических отношений. Главным образом это связано с тем, что субъекты данных отношений находятся в сфере коллизионного регулирования применительно как к гражданско-правовым, так и к уголовно-правовым отношениям. Нетрудно при этом догадаться, что меры самозащиты, дозволяемые одним правопорядком, другим будут считаться недопустимыми и наказуемыми, в том числе и в уголовно-правовом порядке, другой стороной. В частности, применительно к конструкции ст. 330 УК РФ почти все случаи дозволенного самоуправства по германскому гражданскому праву есть уголовно наказуемые деяния. В данном случае, таким образом, имеет место конфликт юрисдикций применительно не только к гражданско-правовому регулированию самозащиты, но и к уголовной ответственности за самоуправство. Данное явление З.А. Незнамова определяет как межправовую коллизию норм национального уголовного права [Незнамова, 1994, 135]. Специфика коллизий уголовных законов, по мнению автора, состоит в том, что национальный суд не может применять при разрешении дела иностранный уголовный закон, в отличие от закона гражданского. Действительно, раздел VI ГК РФ прямо указывает на допустимость применения иностранных правовых норм российским судом (п. 1 ст. 1191 ГК РФ). Подобное положение регламентировано также ч. 5 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ, однако российский уголовно-процессуальный закон на возможность применения иностранного уголовного права российским судом не указывает. З.А. Незнамова отмечает, что такое положение УПК РФ объясняется отсутствием норм коллизионно-правового характера в материальном уголовном законе [там же, 141]. В то же время нельзя не согласиться с позицией немецкого криминалиста А. Sinn, который отмечает, что в условиях закрепления в уголовном законодательстве большинства государств принципа экстерриториальности (*Exterritorialität*) и принципа гражданства (*Staatsbürgerschaft*) отсутствие коллизионных уголовно-правовых норм в значительной степени затрудняет действие охранительных мер уголовного права [Sinn, 2012, 356]. Более того, данные принципы в процессуально-правоприменительном аспекте взаимно исключают друг друга, что указывает на необходимость приоритета одного из них

перед другим в механизме уголовно-правового регулирования (нам представляется верным вывод, сделанный З.А. Незнамовой применительно к указанной проблеме: «персональная юрисдикция должна вступать в действие лишь в том случае, если по каким-либо причинам не срабатывает территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве» [Незнамова, 1994, 169]).

Каков же механизм преодоления коллизий национальных уголовных законов применительно к квалификации самозащиты гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений как самоуправной? Большинство российских и немецких исследователей предлагают с этой целью закреплять в международном и национальном праве специальные коллизионные нормы, направленные на устранение конфликта юрисдикций [там же, 138; Панько, 2015, 194; Пронина, 2014, 131; Hecker, Zöllner, 2012, 142; Heger, 2013, 290; Saliger, 2005, 112], однако данный способ преодоления коллизий является довольно сложным и требует больших временных затрат.

По нашему мнению, в целях отграничения самозащиты гражданских прав во внешнеэкономической сфере от их самоуправного осуществления необходимо прежде всего обратиться к соответствующей коллизионной норме международного частного права, указывающей на право, подлежащее применению к отношениям самозащиты. Это связано с тем, что в данном случае отсылка будет осуществляться ко всей правовой системе в целом, но не только к нормам частного права. В связи с этим применение в процессе разрешения дела иностранных норм права различной отраслевой принадлежности представляется возможным, поскольку участники соответствующего правоотношения объективно изначально находятся в сфере действия компетентного правопорядка, и такой подход позволит избежать конфликта юрисдикций [Ерпылева, 2015, 73]. Такой подход нашел свое отражение и в судебной практике. Так, в 2007 году Арбитражный суд города Москвы принял к производству исковое заявление ФТС РФ, требования которой к ответчику (американскому банку) обосновывались положениями американского законодательства, в том числе Федерального закона США об инвестировании капиталов, полученных в результате рэкета, нормы которого имеют уголовно-правовой характер (Определение Арбитражного суда города Москвы от 14.10.2008 по делу № А40-24987/07-10-149). На допустимость применения германскими судами норм иностранного публичного права указал и Федеральный Верховный Суд ФРГ в постановлении от 04.06.1992 по делу IX ZR 149/91.

В то же время необходимо учитывать, что нормы международного частного права России и Германии не содержат отдельную коллизионную привязку к отношениям по защите гражданских прав. В связи с этим возникает вопрос квалификации отношений гражданско-правовой самозащиты в контексте имеющихся в обоих правопорядках коллизионных привязок; при этом необходимо учитывать, что самозащита представляет собой фактическое деяние, в то время как коллизионные нормы направлены на определение компетентной правовой системы применительно к регулированию деяний юридического порядка [Перетерский, Крылов, 1959, 11].

Нам представляется, что в целях преодоления противоречия между фактическим содержанием самозащиты права и юридическим содержанием правоотношений, подлежащих коллизионному регулированию, целесообразно квалифицировать акт гражданско-правовой самозащиты в качестве сделки. Дело в том, что гражданское законодательство России определяет сделку как *действия* граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). Из сходного понимания сделки (*Rechtsgeschäft*) исходит и ГГУ (§ 116). В этом контексте, как отмечает E. Böttcher, самозащита гражданских прав представляет собой деяние лица, которое направлено на самостоятельное прекращение гражданских прав и обязанностей, возникших в результате нарушения другим субъектом его прав и интересов [Böttcher, 1964, 3]. В связи с этим классик германского гражданского права С. Сrome указывает, что, осуществляя самозащиту, лицо тем самым удовлетворяет свое субъективное требование к правонарушителю и одновременно избавляет его от обязанности возместить причиненный вред, т. е. совершает одностороннюю распорядительную сделку [Crome, 1900, 320].

Такой подход, выработанный теорией германского гражданского права, представляется нам обоснованным в контексте самозащиты гражданских прав в сфере внешнеэкономической деятельности, поскольку квалификация самозащиты гражданского права как сделки вполне обоснована положениями действующего законодательства и судебной практикой (п. 51 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25). В то же время ч. 1 ст. 1217 ГК РФ указывает, что по общему правилу к обязательствам из односторонних сделок применяется право страны, где на момент совершения односторонней сделки находится место жительства или основное место деятельности стороны, принимающей на себя обязательства по односторонней сделке. В связи с этим возникает вопрос: кто принимает на себя обязательства в рамках отношений по самозащите права? Ведь фактически прекращение гражданских прав и обязанностей в рамках самозащиты права сводится не к принятию на себя обязательства одной из сторон, а к устранению лицом, осуществляющим самозащиту, субъективного обязательства кредитора по возмещению вреда, причиненного гражданско-правовым деликтом. Безусловно, в этих условиях должник освобождается от обязательства, но к кредитору оно при этом не переходит. В связи с этим конструкция ч. 1 ст. 1217 ГК РФ создает объективные препятствия для квалификации акта самозащиты права как односторонней сделки. Невозможно в данном случае и применение закрепленной в ст. 1217.1 ГК РФ коллизионной нормы, определяющей компетентный право-порядок при прекращении обязательства зачетом, поскольку, как указал Президиум ВАС РФ в п. 4 Информационного письма от 29.12.2001 № 65, зачет встречного требования осуществляется только на основании соответствующего заявления, т. е. посредством юридического действия, и только в случае наличия у сторон взаимных однородных требований. Квалификация самозащиты и ее последствий в качестве реституции также невозможна, поскольку реституция в данном контексте будет иметь односторонний характер, что является недопустимым в контексте положений ст. 169 и 179 ГК РФ.

Таким образом, конструкция ч. 1 ст. 1217 ГК РФ создает объективные затруднения для квалификации гражданско-правовой самозащиты в качестве односторонней сделки. В связи с этим отношения по самозащите гражданских прав в сфере внешнеэкономической деятельности фактически выпадают из поля коллизионно-правового регулирования.

Необходимо отметить, что положения Вводного закона к ГГУ (далее – Вводный закон, Закон) также не содержат коллизионных норм, определяющих право, применимое к отношениям самозащиты гражданских прав. В то же время ч. 1 ст. 11 Закона указывает, что если фактические действия сторон содержат признаки того или иного правоотношения и не противоречат нормам права, которое подлежит применению к данному правоотношению, то суд обязан квалифицировать эти действия соответствующим образом, независимо от соблюдения тех или иных формальных требований (*Rechtsgeschäft*). Такое положение Вводного закона представляется нам удачным, поскольку позволяет квалифицировать гражданско-правовую самозащиту в сфере внешнеэкономических отношений в качестве односторонней сделки в условиях отсутствия в Законе соответствующей коллизионной нормы; при этом суд не связан излишне формализованными требованиями закона или его пробельностью.

По нашему мнению, несмотря на отсутствие подобной нормы в ГК РФ, российский суд, тем не менее, может пойти по такому же пути при квалификации гражданско-правовой самозащиты в сфере внешнеэкономических отношений, поскольку п. 1 ст. 6 ГК РФ допускает применение гражданского законодательства по аналогии. Фактические действия лица, осуществляющего самозащиту гражданских прав, в контексте ст. 153 ГК РФ могут быть признаны односторонней правопрекращающей сделкой. Исходя из этого суд может распространить сферу применения ч. 1 ст. 1217 ГК РФ в том числе и на данные отношения.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что самозащита гражданских прав представляет собой фактические действия, предпринимаемые лицом, чье право нарушено или находится под угрозой нарушения, в отношении причинителя вреда в случаях невозможности применения иного способа защиты своих прав и только в том объеме, который оправдан размером реального либо предполагаемого вреда. Германское право допускает в качестве одной из форм самозащиты «дозволенное самоуправство», наказуемость которого в уголовно-правовом порядке возникает только в том случае, если самоуправные действия содержат в себе самостоятельный состав преступления и совершены без крайней на то необходимости. Состав самоуправства, закрепленный в российском уголовном законе, характеризуется чрезмерной абстрактностью его объективных признаков, что в иных случаях затрудняет реализацию уголовной ответственности. В условиях внешнеэкономических отношений, когда субъекты права находятся в сфере действия нескольких правопорядков одновременно, вопрос квалификации действий лица как самозащиты или самоуправства затруднен в связи с конкуренцией правовых систем. В связи

с этим наличие в действиях участников внешнеэкономической деятельности признаков самоуправства должно определяться исходя из выявления компетентного правопорядка на основе коллизионных норм международного частного права, которые, как известно, отсылают к праву того или иного государства в целом, а не только к его частноправовым отраслям. В то же время ни российское, ни германское законодательство о международном частном праве не содержат отдельных норм о праве, применимом к отношениям по самозащите права. Однако с учетом положений об аналогии закона, закрепленных в законодательстве Германии и России, представляется возможной квалификация самозащиты гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений в качестве односторонней правопрекращающей сделки. Это позволит обеспечить полноту реализации прав указанных субъектов, а также избежать незаконного и необоснованного привлечения лица, осуществляющего самозащиту своего права, к уголовной ответственности.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14.06.2002; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10.07.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
3. Винавер А.М. На грани уголовной и гражданской неправды // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сборник статей. М.: Статут, 2001. С. 77-96.
4. Витман Е.В. Отграничение самоуправства от вымогательства в случаях самовольного истребования неустойки // Актуальные проблемы юридической науки: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая. Федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994 // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть третья. Федер. закон Рос. Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 01.11.2001; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14.11.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23.10.2002; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 30.10.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.
10. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 655 с.
11. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. 284 с.
12. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М.: Зерцало, 2007. 316 с.
13. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 // СПС Консультант Плюс.
14. Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 // СПС Консультант Плюс.
15. Определение Арбитражного суда города Москвы от 14.10.2008 по делу № А40-24987/07-10-149 // СПС Консультант Плюс.
16. Определение Верховного суда РФ от 21.11.2014 № 306-ЭС14-3444 по делу № А65-32514/2012 // СПС Консультант Плюс.
17. Определение Верховного суда РФ от 09.11.2015 № 305-ЭС15-11049 по делу № А40-61284/2014 // СПС Консультант Плюс.
18. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 30.06.2015.
19. Орешкина Т.Ю. Самоуправство: понятие, признаки, соотношение с самозащитой гражданских прав и злоупотреблением правом // Уголовное право. 2008. № 2. С. 64-68.
20. Панько К.К. Конфликты и коллизии в уголовном праве и процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3. С. 188-196.
21. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М., 1959. 280 с.
22. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.11.2010 № 8263/10 по делу № А33-13956/2009 // СПС Консультант Плюс.
23. Постановление Президиума Владимирского областного суда от 09.01.1998 по делу Л. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 11.
24. Постановление Президиума Московского городского суда от 19.07.2001 по делу Юсубова и Александра // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5.
25. Пронина М.П. Коллизии в уголовном праве // Юридическая наука и практика. 2014. № 2 (26). С. 130-134.
26. Соколова О.В. Самоуправство: к вопросу о законодательном конструировании состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 3-й Международной научно-практической конференции. М., 2006. С. 262-264.
27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001;

- одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
28. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
29. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31.10.1960. № 40. Ст. 591.
30. BGH Beschluss vom 5 April 2011 – 3 StR 66/11 // NStZ 2012, 144.
31. BGH IX ZR 149/91 vom 4 Juni 1992 // NJW 1992, 3096.
32. Bock D. Pfandkehr als Gewahrsamsverschiebungsdelikt – Die fremdnützige Wegnahme "zugunsten des Eigentümers" nach § 289 StGB // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 2009. Vol. 121. Iss. 3. Pp. 548-571. DOI: <https://doi.org/10.1515/ZSTW.2009.548>
33. Bötticher E. Gestaltungsrecht und Unterwerfung im Privatrecht. Berlin, 1964.
34. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 // RGBl. S. 195; BGBI. I S. 1206; BGBI. IS. 1542; BGBI. IS. 1658; BGBI. I S. 2376; BGBI. I S. 3138.
35. Crome C. System des deutschen bürgerlichen Rechts. Bd. 1: Einleitung u. Allgemeiner Teil. Tübingen, 1900. 646 s.
36. Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche in der Fassung der Bekanntmachung vom 21 September 1994 // BGBI. I S. 2494; 1997 I S. 1061.
37. Eisele J. Strafrecht – Besonderer Teil II: Eigentumsdelikte, Vermögensdelikte und Urkunden-delikte. Stuttgart: Kohlhammer, 2009. 479 s.
38. Hamm R., Krehl C. Aktuelle Entscheidungen des Bundesgerichtshofs und ihre Bedeutung für die Praxis der Strafverteidigung. Marbella, Spanien, 2011.
39. Hecker B., Zöllner M.A. Fallsammlung zum Europäischen und Internationalen Strafrecht. Springer, 2012. 216 s.
40. Heger M. Die Beeinflussung des deutschen Strafrechts durch EU-Recht und der Gedanke des Rechtsmissbrauchs // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2013. No. 7-8. S. 289-297.
41. Rinne B. Zweigniederlassungen ausländischer Unternehmen im deutschen Kollisions und Sachrecht. Dunker & Humblot. Berlin, 1997.
42. Saliger F. Parteiengesetz und Strafrecht: zur Strafbarkeit von Verstößen gegen das Parteiengesetz insbesondere wegen Untreue gemäß § 266 StGB. Mohr Siebeck., 2005. 744 s.
43. Schuster E.J. The Principles of German Civil Law. Oxford, 1907. 757 p.
44. Sinn A. Jurisdiktionskonflikte bei grenzüberschreitender Kriminalität. Ein Rechtsvergleich zum Internationalen Strafrecht. V & P Unipress, Universitätsverlag Osnabrück, 2012. 620 s.
45. Strafgesetzbuch vom 15 Mai 1871 // RGBl. S. 127; BGBI. I S. 3322.
46. The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act // 18 U.S. Code. Chapter 96.

Self-defense of civil rights in the sphere of foreign economic relations under Russian and German law: criminal and civil aspects

Vladislav O. Puchkov

Lawyer of Arbitration Practice,

LLS "Pravoprotsess",

Student,

Ural State Law University,

620137, 21 Komsomol'skaya st., Ekaterinburg, Russian Federation;

e-mail: poa@ru66.ru

Abstract

The article deals with the problematic issues of self-defense of civil rights of subjects of foreign economic activity, as well as limitations of valid and arbitrary forms of such self-defense in Germany and Russia. The author, relying on the doctrine of the law, current legislation and judicial practice, reveals the content of the categories "self-defense of civil rights" and "arbitrariness" in German and Russian law. The author concludes that the presence signs of arbitrariness in the actions of participants of foreign economic activity should be determined based on the identification of competent law enforcement on the basis of the conflict rules of private international law, which are known to refer not only to the law of a state as a whole but also to its private sectors. The author talks about the necessity of qualification of self-defense of civil rights in the private international law of Russia and Germany as a unilateral deal of the transaction of right in the absence of the relevant connecting factors in the Russian and German law. The author proves that self-detection of civil rights is the actual actions taken by the person whose right has been violated or is under threat of violation, against the tortfeasor in cases of inability to use other way to protect his rights and only to the extent that is justified by the amount of actual or intended harm. Taking into account the provisions of analogy the law embodied in the legislation of Germany and Russia, the qualification of self-defense of civil rights in the sphere of foreign economic relations as a unilateral termination of right is possible. This will ensure completeness of the implementation of the rights of these subjects, and avoid illegal and unwarranted involvement of the person, exercising self-defense of his rights, to criminal liability.

For citation

Puchkov V.O. (2016) Samozashchita grazhdanskikh prav v sfere vneshneekonomicheskikh otnoshenii po rossiiskomu i germanskomu pravu: ugovovno-pravovoi i tsivilisticheskii aspekty [Self-defense of civil rights in the sphere of foreign economic relations under

Russian and German law: criminal and civil aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (12A), pp. 105-123.

Keywords

Self-defense of civil rights, arbitrariness, qualification, foreign economic relations, deal conflict regulation, connecting factor, responsibility.

References

1. Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 19.12.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2017): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 14.06.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 10.07.2002 [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on January 01, 2016)] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 3012)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3012)], 30.
2. BGH Beschluss vom 5 April 2011 – 3 StR 66/11 [BGH of April 5, 2011 – 3 StR 66/11] (2012). *NStZ*, 144.
3. BGH IX ZR 149/91 vom 4 Juni 1992 [BGH IX ZR 149/91 of June 4, 1992] (1992). *NJW*, 3096.
4. Bock D. Pfandkehr als Gewahrsamsverschiebungsdelikt – Die fremdnützige Wegnahme "zugunsten des Eigentümers" nach § 289 StGB [Pfandkehr as a custody shift in the offence – The foreign-serving removal "in favor of the owner" according to section 289 of the Penal Code] (2009). *Zeit-schrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft* [Journal of the entire criminal justice science], 3 (121), pp. 548-571. Available at: <https://doi.org/10.1515/ZSTW.2009.548> [Accessed 13/11/16].
5. Bötticher E. (1964) *Gestaltungsrecht und Unterwerfung im Privatrecht* [The design of law and submission in private law]. Berlin.
6. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 [The Civil Code of August 18, 1896]. *RGBl*, p. 195; *BGBl*, 1206; *BGBl*, 1542; *BGBl*, 1658; *BGBl*, 2376; *BGBl*, 3138.
7. Crome C. (1900) *System des deutschen bürgerlichen Rechts. Bd. 1: Einleitung u. Allgemeiner Teil* [The system of German Civil Law. Bd. 1: introduction & General section]. Tübingen.
8. Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche in der Fassung der Bekanntmachung vom 21 September 1994 [Introduction to the German civil law book in the version published on September 21, 1994] (1997). *BGBl*, 2494, pp 1061.
9. Eisele J. (2009) *Strafrecht – Besonderer Teil II: Eigentumsdelikte, Vermögensdelikte und Urkundendelikte* [Criminal law – Special part II: property crimes, property offenses, and document fraud]. Stuttgart: Kohlhammer.

10. Erpyleva N.Yu. (2015) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private international law]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.
11. Gegel' G.V.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow.
12. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.10.1994 [Civil Code of the Russian Federation (Part 1). Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 3301)* [Collected legislation of the Russian Federation. (Art. 3301)], 32.
13. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' tret'ya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 26.11.2001 № 146-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 01.11.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 14.11.2001 [Civil Code of the Russian Federation (Part three): Federal Law of the Russian Federation No. 146-FZ of November 26, 2001] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4552)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4552)], 49.
14. Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 23.10.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 30.10.2002 [Civil Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4532)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4532)], 46.
15. Gribanov V.P. (2001) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [The implementation and protection of civil rights], 2nd ed. Moscow: Statut Publ.
16. Hamm R., Krehl C. (2011) *Aktuelle Entscheidungen des Bundesgerichtshofs und ihre Bedeutung für die Praxis der Strafverteidigung* [Recent decisions of the Federal Court of Justice and their meaning for the practice of criminal defense]. Marbella, Spanien.
17. Hecker B., Zöller M.A. (2012) *Fallsammlung zum Europäischen und Internationalen Strafrecht* [Case collection of the European and international criminal law]. Springer.
18. Heger M. Die Beeinflussung des deutschen Strafrechts durch EU-Recht und der Gedanke des Rechtsmissbrauchs [The influence of German criminal law through European Union law and the idea of abuse of Rights] (2013). *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik* [Journal of international criminal law doctrine], 7-8, pp. 289-297.
19. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF "Obzor praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s arendoi ot 11.01.2002 № 66" [Information letter of Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 66 of January 11, 2002 "Review of dispute resolution practice relating to the rent"]. *SPS Konsul'tant Plyus* [SPS Consultant].
20. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 29.12.2001 № 65 "Obzor praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s prekrashcheniem obyazatel'stv zachetom vstrechnykh odnorodnykh trebovaniy" [Information letter of Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian

- Federation No. 65 of December 29, 2001 "Review of the practice of resolving disputes involved in the termination of a liability by offsetting similar counter claims"]. *SPS Konsul'tant Plyus* [SPS Consultant].
21. Neznamova Z.A. (1994) *Kollizii v ugolovnom prave* [Criminal law collisions]. Ekaterinburg.
 22. Novitskii I.B. (2007) *Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava* [The foundations of Roman civil law]. Moscow: Zertsalo Publ.
 23. Opredelenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 14.10.2008 po delu № A40-24987/07-10-149 [Definition of the Moscow Arbitration Court, 14.10.2008, case A40-24987/07-10-149]. *SPS Konsul'tant Plyus* [SPS Consultant].
 24. Opredelenie Verkhovnogo suda RF ot 21.11.2014 № 306-ES14-3444 po delu № A65-32514/2012 [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation, 21.11.2014, case A65-32514/2012]. *SPS Konsul'tant Plyus* [SPS Consultant].
 25. Opredelenie Verkhovnogo suda RF ot 09.11.2015 № 305-ES15-11049 po delu № A40-61284/2014 [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation, 09.11.2015, case A40-61284/2014]. *SPS Konsul'tant Plyus* [SPS Consultant].
 26. O primenении sudami nekotorykh položenii razdela i chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 23.06.2015 № 25 [On application by courts of certain provisions of section I part 1 of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from No. 25 of June 23, 2015] (2015). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper.], 30th June.
 27. Oreshkina T.Yu. (2008) Samoupravstvo: ponyatie, priznaki, sootnoshenie s samozashchitoy grazhdanskikh prav i zloupotrebleniem pravom [Arbitrariness: concept, characteristics, relationship with the self-defense of civil rights and abuse of a right]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2, pp. 64-68.
 28. Pan'ko K.K. (2015) Konflikty i kollizii v ugolovnom prave i protsesse Rossii [Conflicts and collisions in criminal law and process of Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Herald of the Voronezh State University. Series "Right"], 3, pp. 188-196.
 29. Pereterskii I.S., Krylov S.B. (1959) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private international law]. Moscow.
 30. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 16.11.2010 № 8263/10 po delu № A33-13956/2009 [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 16.11.2010, case A33-13956/2009]. *SPS Konsul'tant Plyus* [SPS Consultant].
 31. Postanovlenie Prezidiuma Vladimirskogo oblastnogo suda ot 09.01.1998 po delu L. [Resolution of the Presidium of the Vladimir Regional Court, 09.01.1998, case L.] (1998). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 11.
 32. Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 19.07.2001 po delu Yusubova i Aleksandrova [Resolution of the Presidium of the Moscow City Court, 19.07.2001, case of

- Usubova and Aleksandrova] (2003). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 5.
33. Pronina M.P. (2014) Kollizii v ugovnom prave [Conflicts in criminal law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Legal science and practice], 2 (26), pp. 130-134.
 34. Rinne B. (1997) *Zweigniederlassungen ausländischer Unternehmen im deutschen Kollisions und Sachrecht*. Dunker & Humblot [Branches of foreign companies in the German collision, and property law]. Dunker & Humblot. Berlin.
 35. Saliger F. (2005) *Parteiengesetz und Strafrecht: zur Strafbarkeit von Verstößen gegen das Parteiengesetz insbesondere wegen Untreue gemäß § 266 StGB* [Party law and criminal law: regarding the culpability of breaches against the German political parties act, particularly due to embezzlement according to § 266 of the Criminal Code]. Mohr Siebeck.
 36. Schuster E.J. (1907) *The principles of German civil law*. Oxford.
 37. Sinn A. (2012) *Jurisdiktionskonflikte bei grenzüberschreitender Kriminalität. Ein Rechtsvergleich zum Internationalen Strafrecht* [Jurisdiction conflicts in cross-border crime. A comparative law for international criminal law]. V & P Unipress, Universitätsverlag Osnabrück.
 38. Sokolova O.V. (2006) Samoupravstvo: k voprosu o zakonodatel'nom konst-ruirovani sostava prestupleniya [Arbitrariness: to the question of legislative design of crime]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke"* [Proc. Conf. "Criminal law: development strategy in the XXI century"]. Moscow, pp. 262-264.
 39. Strafgesetzbuch vom 15 Mai 1871 [The Criminal Code of May 15, 1871]. *RGBl*, p. 127; *BGBl*, 3322.
 40. The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act. *18 U.S. Code. Chapter 96*.
 41. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.11.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.12.2001 [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (St. 4921)* [Collected legislation of the Russian Federation. (Art. 4921)], 52, 24th Dec.
 42. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 2954)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25, 17th June.
 43. Ugolovnyi kodeks RSFSR 1960 g. [Criminal Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republic of 1960] (1960). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR (St. 591)* [Bulletin of the Supreme Soviet of the Russian Soviet Federated Socialist Republic (Art. 591)], 40, 31th October.
 44. Vas'kovskii E.V. (2003) *Uchebnik grazhdanskogo prava* [The textbook of civil law]. Moscow: Statut Publ.

-
45. Vinaver A.M. (2001) Na grani ugovnoi i grazhdanskoj nepravdy [On the verge of criminal and civil untruth]. In: *Sbornik statej "Antologiya ural'skoi tsivilistiki. 1925-1989"* [Collection of article "The anthology of the Ural civil jurisprudence. 1925-1989"]. Moscow: Statut Publ, pp. 77-96.
 46. Vitman E.V. (2005) Otgranichenie samoupravstva ot vymogatel'stva v sluchayakh samovol'nogo istrebovaniya neustoiki [Delimitation of arbitrariness from extortion in the cases of unauthorized withdrawal of the liquidated damages]. *Tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki*: [Proc. Conf "Actual problems of legal science"]. Krasnoyarsk: Regional Training Center for Legal Education.